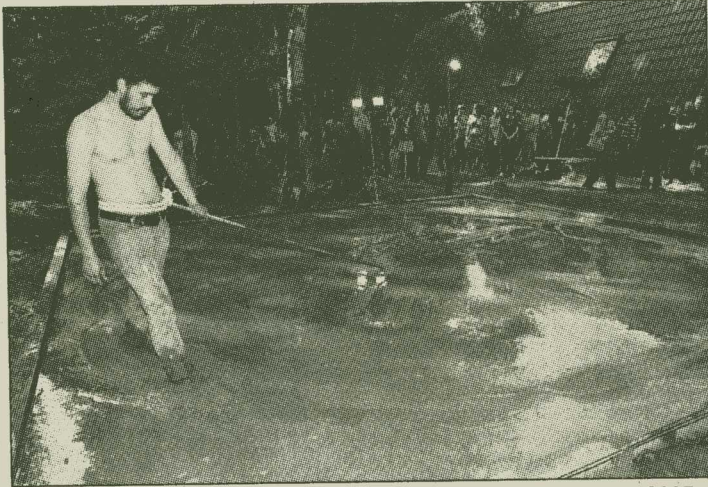

Политехнические искусства

Столичные выставки неопределенного жанра

Недавно переехавший в полностью обновленное здание на Остоженке и обретший двойное имя музей "Московский Дом фотографии", отныне именующийся также "Мультимедиа Арт Музей, Москва – МАММ"), открыл сразу несколько новых выставок, представляющих его во всех возможных ипостасях. Для любителей истории фотографии – ретроспектива классика 1920 – 1950-х годов Георгия Петрусова (уникальная коллекция снимков от кельнского галериста Алекса Лакмана) и проект "Фотоальбом Александра Будберга" – лучшие образчики мировой фотожурналистики, отобранные и прокомментированные политическим обозревателем "Московского комсомольца". Для ценителей раритетов из закулисья современного искусства – экспозиция снимков, сделанных в бесконечных поездках Симоном де Пюри, сооснователем знаменитого аукционного дома. В Москву фотограф-любитель и акула арт-бизнеса, некогда стучавший молотком на легендарном русском "Sotheby's" в 1988 году, приехал еще и для того, чтобы провести благотворительный аукцион в пользу МДФ, и превратил это мероприятие в свое фирменное шоу, разперской скороговоркой называя лоты и цены. А за мультимедийность в новой выставочной программе отвечает концептуальная выставка "Электрические ночи", подготовленная парижским Центром Помпиду – последняя вспышка чрезвычайно щедрого на современное искусство года Франция – Россия.

Выставка "Электрические ночи" (кураторы – Филипп Алан Мишо и Лоран Ле Бон) позаимствовала свое название у фильма, снятого в 1929 году Эженом Делавом, режиссером-авангардистом, родившимся в Украине и работавшим в Чехии и Франции. Лента эта, также включенная в экспозицию, представляет собой

А. Кузькин. Перформанс "По кругу". 2007 г. Проект "Искусство тратит время" в "МАРСе"

стуют с работами современных художников. Из последних, например, – видеозаписи перформансов сделавшего своим основным материалом порох Цзя Гоцяня, знаменитого, осыпанного множеством наград китайца, с 1995 года живущего в Нью-Йорке, но свое самое известное шоу осуществившего на родине: именно Гоцянь создал грандиозные фейерверки для церемонии открытия Пекинской олимпиады. Или акции обожающего всевозможные взрывы, дым и пламя швейцарца Романа Зингера, пускающего с башни кольца разноцветного дыма или устраивающего настоящую огненную стену, наступающую на зрителя, буквально пожирая узенький деревянный мостик. И хрестоматийное видео Питера Фишли и Давида Вайса "Ход вещей" – то самое, где разнообразные предметы вовлечены в бесконечный марафон, орга-

ные кадры клубящихся облаков (видео французского художника Анжа Леча) и анонимный научно-популярный фильм, запечатлевший в убыстренной съемке рост растений, чьи бутоны распускаются подобно залпам салюта, а также движение на компьютере французским астрономом Одуином Долфюсом. Есть еще невероятной красоты кадры пожара, снятые легендарным Брассаем.

Своего рода научно-популярным фейерверком выглядит и выставка "Колумбово яйцо", открывшаяся в зале "Laboratoria" галерея, находящаяся в обычном НИИ, позиционирует себя как "пространство искусства и науки, однако "Колумбово яйцо" – первый проект, обошедший практически без искусства, одной только наукой. Экспозиция посвящена Николе Тесле, самому, наверное, культу-

позаимствованных оттуда пособий декорации фильмов в духе шедевров Эдда Вуда. Даже принявшие участие в выставке художники выступили не столько с художественными, сколько с научно-популярными работами. Так, живущий в Лондоне медиа-артист и инженер Алексей Блинов собрал устройство собственного изобретения – причудливый агрегат с лампочками, одна из которых горит от розетки, а другая – словно бы от электричества, переданного беспроводным путем (как это разрабатывал Тесла). А Сергей Шутлов смонтировал фильм, в котором фрагменты телепередач про Теслу соединены с кадрами из "Престижа" Кристофера Нолана, в котором знаменитого ученого играет Дэвид Боуи, а также с отрывком из "Кофе и сигарет" Джима Джармуша, тем, где музыканты Джек и Меган Уайт из группы "The White Stripes" говорят о Тесле, а Джек даже демонстрирует собранный им самим трансформатор Теслы. Такой трансформатор можно было увидеть на выставке живьем и в действии. Отделенный от публики решеткой, словно непредсказуемый хищник, он время от времени выдавал пресловутую "ручную молнию" – ветвистую, пахнущую озоном, голубоватую вспышку, напоминающую ту, при помощи которой Франкенштейн оживлял свое творение. Не менее эффектен и другой аттракцион от Теслы – давнее название выставки "Колумбово яйцо", отсылающее к историческому анекдоту о Колумбе, поставившем яйцо вертикально, разбив его с одного конца. Тесла также поставил яйцо – но при помощи электромагнитного индуктора: медное яйцо вращается волчком в оглетенном проводками "гнезде" и, набирая скорость, изящно становится стоймя.

Интересно, что тот же самый агрегат можно было увидеть и в венском музее

издания Мондриана, Малевича, Купки, Кандинского, Дюшана, Пикабиа, Ман Рэя там соседствовали со все теми же приборами, машинами, пособиями и фотографиями научных экспериментов. Авангардное искусство, которое до сих пор принято упрекать в непонятности, представляло инструментом понимания, объяснения еще более неукладывающихся в обыденном сознании научных представлений. Выставка "Колумбово яйцо" в "Laboratoria", при всем ее просветительском пафосе, обладает, пожалуй, обратным эффектом. Она, скорее, предлагает взглянуть на науку с эстетической точки зрения и еще раз восхититься непостижимостью мира, который, как и на "Электрических ночах", предстает феерическим шоу, не заботящимся о том, чтобы быть понятным публике.

Политехнический музей выступил партнером еще одной выставки современного искусства, открывшейся в Центре современного искусства "МАРС". Для экспозиции "Искусство тратит время", кураторского проекта художников Антона Литвина и Сергея Огурцова, Политех одолжил свое собрание часов всех видов – настенных, наручных, электронных и механических, солнечных и песочных. Выставка поделена на двенадцать залов, в каждом из которых, по мысли кураторов, время течет иначе – в соответствии с природой тех приборов, которыми оно измеряется, и натурой художников, которые его переживают. Так, маятниковым часам с боем соответствует видеозапись героического перформанса Андрея Кузькина, целый день ходившего по кругу по застывающему бетону, с упорством стрелки, отсчитывающей часы и минуты мучительно долго и вязко тянущихся суток. Солнечные часы соотношены с видеопроектом давно не выступавшего в Москве (художник уехал в Слове-

ождении выступлений на каком-то рок-фестивале вроде "Нашествия". Выполненные в стиле этакого "бедного" советского поп-арта полотна Дмитрия Гутова, обыгрывающие логотипы Олимпиады-80, соседствуют с винтажными ходиками 1960 – 1980-х годов. А видеоремейк сцены свидания Штирлица с женой, в котором обе роли блистательно исполняет Владислав Мамышев-Монро, отсылает к немецким каминным часам первой половины XX века. Песочные часы соотношены с видео Антона Литвина, ножающего, словно кокаин, высыпавшийся из разбитых часов песок. Шахматные – с сетом из двух наборов черных обгоревших фигур от Юрия Шабельникова. А хронометр зарифмован с работой Никиты Алексеева – холстом, на котором карандашом записаны кропотливые подсчеты того, сколько черт может провести и сколько вдохов и выдохов сделать художник за определенную единицу времени. Заканчивается все залом с целой коллекцией декоративных часов, в том числе выполненных в образцово-показательной, монструозной эстетике "рашн дереваяшн" на излете советской эпохи. И подробными описаниями самодельных времязмерительных механизмов из собрания "Внутренних вещей" Владимира Архипова: особенно запоминается байка про водяные шахматные часы, сооруженные в больнице, в которых в качестве необходимой цветной жидкости использовалась моча.

Про современное искусство часто пишут, что оно занимает уже не столько пространство, сколько время. Но кураторы и художники выставки в "МАРСе" все же тратят время не зрителя, но свое собственное – выставка получилась изощренной и компактной. Правда, время, которое показывают часы из Политехнического, все же кажется отличным от то-

ную жизнь залитых светом Праги, Парижа и Берлина в образе такого перманентного фейерверка, во всполохах которого исчезает опознаваемый дневной материальный мир. Именно фейерверк и оказывается центральным образом выставки, на которой старинные гравюры с эскизами по-версальски помпезных пиротехнических празднеств мирно сосед-

низованный по принципу домино, и подталкивают друг друга при помощи разнообразных химических действий. Фейерверк становится своего рода метафорой мироздания, увиденного как грандиозный спектакль, ни к кому, собственно, не обращенный и уж точно не заботящийся о мерах безопасности. На выставке с тысячами акций соседствуют медитатив-

ному ученому рубежа XIX – XX веков, гению и визионеру, ставшему героем множества апокрифов, конспирологических романов и фильмов. Выставка сделана в сотрудничестве с Политехническим музеем, предоставившим всевозможные приборы, сделавшие зал в переулке Обуха похожим на школьный кабинет физики. А точнее – на обставленные при помощи

"MUMOC" на выставке "Модернизм. Революция в искусстве и науке 1890 – 1935", пытающейся передать стремительно меняющуюся благодаря научным открытиям того времени картину мира. Выставка была разбита на разделы "Энергия", "Движение", "Пространство", которые из художественных метафор вновь превращались в научные понятия, а про-

нию) Вадима Фишкина. Вечный закат можно наблюдать благодаря работающим по всему миру веб-камерам: стоит солнцу сесть – и трансляция переключается на другую камеру. Наручным часам, показывающим бытовое, приватное время, соответствуют снимки Сергея Браткова, запечатлевшего маяющуюся от безделья толпу, убивающую время в

то, которое перемещает художника в "учный" антураж только подчеркивает тот факт, что для участников проекта время все же оказывается не когнитивным, метафизическим или интуитивным, но только биографическим феноменом.

Ирина Лева